

КРИТИК **ВАЛЕРИЯ**
ПУСТОВАЯ РЕКОМЕНДУЕТ

АЗАМАТ ГАБУЕВ

ХОЛОДНЫЙ
ДЕНЬ
НА СОЛНЦЕ

Москва
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г12

Художественное оформление *Петра Петрова*

В оформлении переплета использованы фотографии:
Bekas, Kirill Ilchenko / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Габуев, Азамат Борисович.

Г12 Холодный день на солнце / Азамат Габуев. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-096214-3

Эта книга похожа на зеркальную анфиладу, где в бесконечности отражений теряется оригинал. О том, чем живет молодая Осетия, здесь рассказано от лица мужчины и женщины, вольнодумца и традиционалиста, правдоискателя и карьериста, интеллектуала и обывателя. Две истории, в каждой из которых по два непримиримых рассказчика, создают захватывающую качку мнений. В чьих глазах Осетия — настоящая? Таких книг о Кавказе еще не было.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096214-3

© Пустовая В., предисловие, 2018
© Габуев А., текст, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ОСЕТИНСКИЕ МАСКИ

Азамат Габуев — новое имя в славном ряду авторов нового поколения, пишущих современную — ироничную, пристальную, сверенную с информационными сводками — литературу о Кавказе. Это тенденция в литературе модная: проза не только о Кавказе — но и о других регионах России, их мифах и сегодняшнем быте, древнем языке и новом вавилонском смешении, свято хранимых обычаях и цифровых потоках, размывающих былую специфику.

Но именно молодая литература о Кавказе мгновенно привлекает внимание, будто срочное сообщение в новостном блоке. Это регион — а значит, и проза — на пересечении религий и нравственных убеждений, семейных укладов и мод, определяемых подчас не глянцевыми журналами, а митингами и перестрелками, это проза стыков и столкновений.

Это книги о регионе, где растерянность человека перед сегодняшним разнообразием моделей поведения и самореализации достигает критического пика.

К чести авторов литературы о Кавказе, скажу, что с точки зрения художественной их не уравниаешь в одном ряду. Наблюдательная и ироничная проза Алисы Ганиевой, чувствительная и взрывоопасная — Марины Ахмедовой, уверенно играющая с

мифами и идеями — Германа Садулаева, равно как произведения других, не так широко известных авторов, чьи тексты стали известны мне благодаря Форумам молодых писателей России, — каждое из этих эстетических воплощений современного Кавказа требует своего читателя.

И Азамат Габуев, встреченный мною впервые на Форуме, привлек мое внимание не только тем, что пишет о Кавказе. Меня удивило, как хорошо он понимает своих сверстников, для которых, в силу места рождения, обычный выбор пути, принципов и пары — а именно этот выбор придает юности интригу и остроту — означает жесткую альтернативу: выпасть из современности или оторваться от корней.

Осетинский прозаик, опубликован в Esquire — выдает мне поисковик по запросу «Азамат Габуев», и я начинаю немного понимать, каково это — принадлежать бдительно хранящему себя народу. В литературе или бизнесе, на вершине или в проигрыше тот, кто вышел из Осетии, всегда прежде всего осетин и за родину представляет. И где бы ни был, как бы ни менял себя, хорошо виден родине и родне.

Владикавказская проза Азамата Габуева — экскурсия в мир, где каждая мелочь о тебе имеет значение.

Вот почему, наверное, сам автор умело прячется: Азамат Габуев пишет ролевую прозу, особенно увлекательную там, где вжиться в образ ему не помогает личный опыт. Он готов испробовать полярные точки зрения на себе.

Книга, которую вы держите в руках, похожа на зеркальную анфиладу, где в бесконечности отражений теряется оригинал. О том, чем живет молодая Осетия, здесь рассказано от лица мужчины и женщины, вольнодумца и традиционалиста, правдоискателя и карьериста, интеллектуала и обывателя. Две истории, в каждой из которых по два непримиримых рассказчика, создают

захватывающую качку мнений. В чьих глазах Осетия — настоящая? — определить так же трудно, как ответить на известный риторический вопрос: легко ли быть молодым?

Потому что проза о Кавказе никогда не говорит собственно о Кавказе.

Азамат Габуев написал книгу о том, как трудно быть молодым: свободным, ни на кого не похожим, ищущим свой путь, творящим новый мир вокруг себя. Его Осетия — это площадка повседневных личностных экспериментов. Здесь, в силу особенностей региона, слишком явно проступает связь между ценностями и образом жизни. Да что там, обликом самого человека — его речью, одеждой, кругом общения, течением каждого дня.

В Осетии Азамата Габуева каждая мелочь о тебе — дело принципа.

Загвоздка, однако, в том, как бы принцип не стал делом жизни.

Героиня, чей голос вводит нас в эту книгу и в летний Владикавказ, с усмешкой отзывается о поисках национальных корней, но разочарована она не в традициях и устоях как таковых. Она просто ищет мотивацию более важную и близкую для нее, чем коллективная память: неподдельное переживание, которое позволило бы ей лично убедиться в необходимости так или иначе построить жизнь.

Крутить натужные романы и устраивать престижное замужество, пробиться на самый популярный факультет и дожидаться выгодной должности, встречать кавалера по марке его машины и устраивать девушке проверку на прочность добрых запретов, — или взбунтоваться, покрасить волосы и проколоть пупок, рвануть в бармены и фотографии, глотать коктейли и продвинутую музыку, — за что ни возьмутся героини Габуева, все делают как-то наобум, будто в попытке бегства.

Бунт или традиция — безразлично, что выбрать, если не пришел к согласию с собой.

Благодаря этой книге вы убедитесь, как опасно строить жизнь по любой модели.

И почувствуете, что вовсе не принципиальность напоказ: бунт назло или обычай для приличия, — а степень искренности с собой придают жизни настоящую основательность.

Осетия Азамата Габуева — это место, где проще плыть по течению — и довольствоваться безопасным удовлетворением минимальных запросов.

Но разве где-то за пределами Осетии выбор между приспособлением и риском, привычкой и познанием, комфортом и инсайтом решается людьми иначе?

Азамат Габуев — романтик, скрывшийся под маской сатирика. Он пристально наблюдает нравы в родной Осетии, но если смеется — то над человеком вообще, который, где бы ни жил, предпочитает «сидеть верхом на сбывшихся мечтах» и делать вид, что счастлив.

Давайте вместе с ним махнем во Владикавказ. Там «легко добраться до любого места, тепло и можно пить воду из крана», а на богатой свадьбе «черная икра, шоколадный фонтан, свежая сёмга, судьи, мэр, спикер»...

Вам кажется, этот образ Владикавказа нестерпимо упрощен? Ну так будьте уверены: ни о нем, ни о любом ином явлении люди судят не более справедливо и глубоко.

Потому что понять жизнь по-настоящему — во власти тех, кто готов прочувствовать ее лично и в полную силу.

Так, как понял и прочувствовал свой родной город молодой писатель Азамат Габуев.

Валерия Пустовая

**ХОЛОДНЫЙ
ДЕНЬ
НА СОЛНЦЕ**

– ЧАСТЬ 1 –

ЗАРИНА

Час ночи. Бесланский аэропорт. Я выхожу из самолета последней. Сонная стюардесса еле выдавливает из себя «доброй ночи». Я в ответ только киваю. Кажется, что я ступаю на борт корабля, исчезнувшего с радаров полвека назад.

На последней ступеньке спотыкаюсь и падаю на колено. Остальные пассажиры уже далеко: никто не оборачивается. Встаю, поправляю волосы и иду к зданию аэропорта.

В багажном отделении прохладно. Нахожу свой чемодан, стаскиваю его с багажной ленты и выдвигаю ручку. Из ссадины на колене ползет темно-красная капля.

В туалете отшатываюсь от зеркала: синюшная кожа, мешки под глазами, белый налет на губах. Вытираю кровь на ноге бумажным полотенцем. Умываюсь, пудрюсь и крашу губы.

— Посмертная маска, — говорю сама себе и тщетно силюсь улыбнуться.

В зале пусто. Пассажиры моего рейса уже вышли на стоянку и рассаживаются по машинам. Других рейсов нет. Полицейский у рентгеновского сканера на миг поднимает глаза от телефона, когда я прохожу мимо.

Снаружи темно. Светятся только будка КПП и фары машин.

— Такси нужно? — спрашивает седой мужчина в джинсовой рубашке с закатанными рукавами.

— Нужно.

— Куда?

— Владикавказ.

— Пятьсот рублей. И я буду курить.

Торговаться неохота. Он берет чемодан, и мы идем к древней черной «Волге».

Падаю на заднее сиденье. Хлопает багажник, потом дверь. Водитель закуривает и включает музыку. Узнаю вступление «Dazed And Confused».

Дорога от аэропорта до трассы не освещена. Перед фарами вихляет белая разделительная полоса.

— В командировку? — спрашивает водитель.

— Домой, — отвечаю я.

— Seriously? Вы не похожи на местную.

— Почему?

— Вы сказали «во Владикавказ». Местные говорят «в город».

— Моздок, Ардон, Алагир — тоже города.

— Вы бы еще Дигору вспомнили, — усмехается он. — Да и не только в этом дело.

— А в чем?

Водитель так долго молчит, что я уже не уверена, слышал ли он меня, потом говорит:

— Не знаю, как объяснить. Не похожи, и все.

Хочется сказать что-нибудь на осетинском, но подходящие слова не приходят на ум. Молчу. Машина выезжает на

трассу. С обеих сторон — темные кукурузные поля. Откидываюсь на сиденье и закрываю глаза. Против воли вспоминаю путь из Москвы.

Билет был на шесть вечера. После регистрации вдруг объявили, что рейс задерживается на четыре часа. Через час я уже мешала водку с колой в «Шоколаднице».

В автобусе до самолета я обвилась вокруг поручня, чтобы не упасть. Кто-то включил «You Can Leave Your Hat On». Насколько парней загоготали. Я отвернулась к двери и закрыла лицо волосами.

На борту я добавила к своей водке коньяка и поняла, что перебрала. Стало дурно. Нужно было просто сходить в уборную и опорожнить желудок, но я побрезговала.

Вскоре началась турбулентность, и меня стошнило прямо на черную рубашку парня, сидевшего рядом. Он оттолкнул меня, насколько позволяло кресло, и всучил мешок для рвоты. Когда самолет снова тряхнуло, я выронила этот мешок и облила платье.

Когда самолет перестало трясти, мой сосед попросил у стюардессы два влажных полотенца. Остаток пути мы молча оттирали пятна с одежды.

— Куда конкретно вам нужно?

Я смотрю вперед: мы на въезде в город. Над дорогой висит растяжка: парень и девушка в народных костюмах и надпись «Добро пожаловать».

— Центр, — говорю я и называю адрес.

Снова тошнит, правда, не так сильно, как в самолете. Прижимаюсь к двери, открываю окно. Я по уши в Осетии.

Выхожу у трехэтажного многоквартирного дома.

— Вас здесь точно ждут? Могу отвезти вас в гостиницу.

— Не нужно. Все в порядке.

Водитель прощается и оставляет меня одну. В этот миг пустая улица, погасшие окна, уходящая во тьму череда кленов — все предстает передо мной в полной и подлой ясности, прорвавшейся сквозь алкоголь. До меня доходит, что явиться на порог в два часа ночи полупьяной, заблеванной и с разбитым коленом нельзя. Родители этого не заслужили.

Ночевать в гостинице в родном городе странно. Да и денег жалко. Из друзей во Владикавказе осталась только Люси. Она живет с матерью — неудобно напрашиваться.

Ночь теплая, спать не хочется. Я осматриваюсь и бреду в сторону проспекта Мира.

Бабочки сгорают вблизи фонарей и падают в темноту. Так тихо, что шум, с которым катится мой чемодан, отдается эхом в подворотнях. Пройдя половину проспекта, присаживаюсь на скамейку. Запрокидываю голову. Звезды мигают голубым, красным и желтым, будто сопровождают неслышную мне мелодию. Они плывут по кругу, плывут слишком быстро. Ветви платанов ожили и тянутся друг к другу. Слышится треск осыпающейся коры. Пытаюсь встать, но мышцы не слушаются. Кажется, хватит сил поднять голову и оглядеть улицу, но я не двигаюсь, потому что откуда-то знаю: улицы больше нет. Ветви соединились в кольцо, и оно вращается надо мной. Звезды все больше напоминают кометы. Их хвосты закручиваются в спирали, вертятся, как разноцветные игрушечные ветряки. И вдруг все гаснет.

Птицы надрывают глотки. Солнце светит так ярко, что больно даже с закрытыми глазами. От озноба сводит челюсти и колени.

Вокруг никого. Чемодан и сумочка на месте. Телефон тоже. На часах шесть утра. Страшно хочется пить. Руки трясутся так, что пудреница дважды падает на землю. В зеркальце чудище: спутанные волосы, шея в комариных укусах, красные глаза — в уголках комки туши. Платье мягкое, спереди большое пятно.

Надеваю солнечные очки. Вытаскиваю из чемодана толстовку и натягиваю ее поверх платья. С трудом встаю и тащусь в парк. Надолго припадаю к питьевому фонтану. Жажда стихает, озноб — нет.

Звоню Люси. Вместо гудка — «Lucy in the Sky With Diamonds». Слушаю первый куплет и сбрасываю вызов. Листаю список контактов. Останавливаюсь на имени «Алан». Долго раздумываю, но все же не звоню.

Супермаркет «Солнечный» открывается в десять. Там можно купить зубную пасту и щетку. Позавтракать в кафе «Магия». Там же в туалете умыться и переодеться. Ничего трудного. Пережду четыре часа на набережной.

На середине моста боль в желудке сгибает меня пополам. Сплюываю желчь в реку и вытираю рукавом пот на лбу. От взгляда на бурлящий черный поток кружится голова. Валю чемодан и сажусь на него. Прислоняюсь к перилам. Плоская вершина Столовой горы кренится то в одну, то в другую сторону. До открытия кафе точно не дотянут. Звоню Алану.

— Алло, — говорит он немного сонно. — Алло, кто это?

— Алан, — всхлипываю я.